

Юлия Шолох

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Юлия Шолох

Звериный подарок

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Роман

Москва, 2013
САРМАЛА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ш78

Серия основана в 2011 году

Выпуск 57

Художники
О. и Е. Юдины

Шолох Ю.

Ш78 Звериный подарок: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 313 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-1473-4

Незаконнорожденная дочь князя вынуждена отправиться заложницей в Звериную страну. Только действительно ли все в жизни устроено так, как ее учили? Откуда тогда в огромном мире споры за право владения землей? И как получилось, что безобидный старичок, обучавший ее магии, оказался вором, припрятавшим предмет, от которого зависит будущее звериного народа? И еще вопрос, который интересует ее все больше и больше: правда ли все мужчины такие, как отец? И стоит ли им верить?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1473-4

© Юлия Шолох, 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1 МОЯ ЖИЗНЬ

Как не везет! Утро начинается с грохота и громких воплей поварахи, доносящихся из кухни, что прямо под моей комнатой. И, чтоб уж разбудить наверняка, вслед за ними раздаются незнакомые голоса — кто-то на повышенных тонах отвечает. Нечем, что ли, больше заняться с утра?

— Дарька, вставай! — забарабанили в дверь. — Сказали, всем на кухню! Сказали, живо!

Судя по голосу, Маришка. Ничего себе, чего это она вскочила чуть свет, даже раньше меня? Ведь маленьким позволяется спать дольше старших. А она уже на ногах и на кухню зовет! И как я сразу не сообразила, такие крики просто так начаться не могли, значит, есть причина. Неужели что-то интересное намечается? Что?

Я так быстро вскочила, что и не сразу вспомнила про половик, который вчера вытащила на улицу выбивать, да так и оставила во дворе. Так что моим ногам стало не просто холодно, а ХОЛОДНО! Осень в самом разгаре, а в доме не очень-то топили: мы хоть и княжеские дети, но все равно полукровки! Зачем нам тепло? Должны быть рады, что хоть на улицу не выбрасывают.

Так я подумала, когда назад на кровать запрыгнула. Мне когда холодно, я прямо сама на себя не похожа, очень злюсь всегда. Не переносу холод!

Пришлось, сидя на кровати, тянуться за одеждой на кресле, еле достала. Вот говорят, девушка должна быть аккуратна. А будь я аккуратна да положи вчера штаны на место, в сундук, что бы сейчас было? Пришлось бы топтать по холодному полу! Аккуратность придумали те, у кого дома много слуганок, не иначе!

На кухне опять завопили. Застегивая рубашку на ходу, несусь вниз по лестнице. Заскакиваю на кухню, а там все уже в сборе, и маленьких подняли. Красные кирпичные стены даже на вид теплые, в варочной печи пылает такой сильный огонь, что сквозь открытые заслонки вырываются длинные языки пламени, которым удастся подпалить связки чеснока, висящие выше у стены. И все столы и даже пол заставлены посудой — огромными сковородками, котлами, мисками. Никогда такого не видела!

— Какое счастье! Дарька наконец-то соизволила притащить свои прелести! — зашипела Катринка, кухаркина главная помощница.

До чего вредная девка! Терпеть меня не может, с тех самых пор как я ей пощечину влепила. А не надо было маленьких бить, змея! Теперь как видит меня, так вся ядом исходит, да и пусть, мне не жалко. Главное, руку на малышей больше не поднимает, знает, гадина, что опять получит. Пусть родителей у них нет, но это мои братья, и трогать их руками не советую.

— Цыц! — кричит Глаша.

Она обычно добрая, потому что ее со всех сторон много, как всякой прилежной кухарки. Но сейчас, в своем необъятном переднике, с руками, упирающимися в бока, и сверкающими глазами слегка навывкате, она поистине страшна! Быстренько опускаю голову, разглядывая пол, и готовлюсь терпеливо сносить все душераздирающие крики. А может еще и поварешкой запустить, она у нас такая.

Но нет, обошлось.

— Быстро! Все за работу! — кричит раскрасневшаяся от печного жара и переизбытка чувств Глаша. — К обеду надо наготовить самых лучших блюд на сотню человек!

— На сотню?

Оглядываюсь вокруг. А у всех глаза ошарашенные, как и у меня. Не помню ни разу, чтоб на стольких готовили. К нам что, полгорода приезжает?

Глаша раздает указания, и все беспрекословно идут их выполнять. Мальчишки хотя и с надутыми лицами, но без промедления плетутся за первой партией воды. Маришке приказано чистить морковку и лук. Дойдя до меня, кухарка

на редкость долго раздумывает. Ох, сейчас задаст, похоже, задачку!

— Ты знаешь что, будешь мне помогать. Жди пока. Как рыбу принесут, разделашь.

— Конечно, как скажете, — тут же отвечаю. По большому счету я хорошо к ней отношусь, обычно она добрая. Ну а когда требуют сделать что-то неожиданно и быстро, кто угодно рассвирепеет.

Вскоре дверь со стороны улицы распахивается, и мальчишки затаскивают рыбу, волоча за хвосты. Несколько судаков, все как на подбор толстенькие, блестящие, значит, свежие. Длиной мне до пояса. Да уж, буду потом чешую неделю из волос вычесывать, но Глаша пристально смотрит, ждет. Эх, все равно чуда не случится, хватаю нож и подхожу к этой сверкающей красоте.

Глаша следит, правильно ли я все делаю, слишком уж ответственная задача. Даже на брюхе ни единой чешуйки остаться не должно и ни одного лишнего разреза, кроме небольшой полоски у головы.

Только когда я взмокла, а нечищенных рыбин осталось всего три, она успокоилась и молча стала мешать что-то в огромном котле. Самое время вопросы задавать, надо же узнать, что происходит? А у кого еще спрашивать, как не у слуг?

— Глашенька, а мы успеем? — начинаю разговор издалека. Если прямо в лоб спросить, упрется и не расскажет.

— Как работать будете, — хмурится и важно мешает, мешает что-то густое и вкусно пахнущее.

— Мы хорошо будем работать, вы же знаете!

— С чего бы это? — смотрит недоверчиво, хотя я всегда веду себя хорошо и делаю, что говорят.

— Мы тебя любим, — отвечаю. Нет, похоже, этого мало, Глаша только нахмурилась и молчит.

Эх, терпеть не могу эту фразу повиновения, но как иначе из нее вытянуть новости?

— Мы знаем свое место, — глухо добавляю.

Сработало, улыбается! Еще бы не сработало, кому ж не понравится, когда его ставит выше себя княжеская дочь, пусть и полукровка.

— Конечно, Даренька, успеем! — ласково отвечает. — Мы же только холодное готовим, закуски да сладости. Основное все в замке.

— А зачем так много? — удивляюсь.

— Приказ князя.

— Как — князя? Новости от него? Почему не сказали?

Нож в руках замер, пока я боролась с нахлынувшим волнением. Отец, то есть (мне нельзя его так называть) князь, всего с одним военным отрядом уехал из замка месяц назад, и с тех пор от него никаких вестей. А ведь он отправился к границе со Звериной страной, одно это страшно, о них столько жутких историй ходит, что за раз и не вспомнишь. Сейчас там клан Синих волков главный, а они страшнее, чем медведи, при которых вообще затишье было, как говорят. А еще зная отц... князя, его характер взрывной, неизвестно что могло случиться. И вот от него новости, и никто ни слова!

— Да не успели, деточка моя! — Глаша не оборачивается, сыплет в кипящую воду какие-то пахучие травы.

— Так расскажите!

— Да я сама толком ничего не знаю. Примчался гонец на рассвете, привез записку. Приедет князь сегодня после обеда, гостей привезет. Много гостей, а в замке кухню перестраивают, потому на нас столько готовки.

— Приедет? Значит, все хорошо? — Тут я готова ее расцеловать. Если князь будет дома, в замке, в тишине и покое, то не сможет никому дорогу перейти и ни с кем сцепиться. Потому что тут никого нет, кроме своих.

Но я смотрю, у Глаши не очень-то радостное лицо. Почему? Она сказала, он... гостей привезет?

— Кого? — шепчу, а ответ уже знаю. Шансов, что за целый месяц ничего не случится, почти и не было, это скажет любой, кто с князем знаком. Влез все-таки куда-то мой непутевый родитель.

— С волками, — жестко говорит Глаша.

А я только нож сжимаю. Волков везет... Вряд ли по доброй воле.

Только бы ничего не произошло!

Приготовленные закуски и сладости увезли сразу после обеда. Только тогда и нам дали поесть. Меня уже шатало от голода, тарелку каши я проглотила, даже не почувствовав ее вкуса.

Потом мы убрали кухню, вычищали, мыли и скребли.

Хорошо хоть вечер свободный оставили, урок шитья отменили. Ради одного этого стоило полдня вкалывать, ненавижу шить! Но нам, полукровкам, в отличие от княжеских детей, не преподают танцы и языки, а только то, что пригодится в жизни, — готовку, счет, шитье, плетение ковров и прочую чепуху.

Когда кухня засверкала чистыми посудой и полами, нас отпустили отдохнуть. Отдохнуть, конечно, неплохо, но у меня есть занятие поважнее. Я зашла в комнату только за плащом и тихонько потопала в конюшню. Смотрю, а Маришка тоже здесь. Сидит у стойла моего Мотылька и хитро улыбается. Делает вид, что совершенно случайно тут оказалась. Ага, как же! Ей хоть и восемь всего, а ума больше, чем у Катринки, змеи кухонной.

— Кататься хочешь? — спрашиваю.

— А возьмешь? — просит и даже дыхание задержала.

Обожает Мотылька чуть ли не больше меня. Мотылька вообще нельзя не обожать, она очень красивой редкой породы лунных лошадей. Единственный подарок моего отца... князя. Нет, отца! Единственный его подарок на мое совершеннолетие. Дал князь такой зарок в молодости — каждому своему ребенку дарить на совершеннолетие то, что сделает его счастливее. И придерживается. Всем известно, что за нарушение зорока бывает. Возьмут боги все то, что обещал, десятикратно, а не хватит добра — заберут жизнь. Так что даже полукровкам иногда что-нибудь да перепадает. Моему старшему брату князь в городе магазинчик купил и разрешил уехать. Мне — самую красивую лошадь, такой даже у княжон нет. Они, кстати, когда про подарок узнали, сразу приехали и очень недовольные были, ругали меня почему зря. А я молчала да улыбалась, пустые слова ветер унесет, а лошадь никто не посмеет отобрать, она — моя по праву, княжеским зороком поддерживаемому.

— Конечно возьму, — отвечаю. И Мотылек тут же ржет тихонько, соглашается.

Обняла я Маришку, маленькую мою сестренку, да так, что она даже пискнула. В восемь лет так ласки хотелось материнской, я помню. А ласки-то и не было. Пусть у Маришки будет хотя бы немного моей.

— Маришка, вырастешь — самой разрешу на Мотыльке кататься.

Обрадовалась! В ладошки хлопает. Представляет уже, наверное, как несется по цветущему лугу, и волосы ветром путаются. В восемь лет даже такая простая картина может сделать счастливой.

Так и стояли, пока мальчишка, который у нас вместо коноуха, Мотылька седлал. Я и сама умею, но правила есть правила. Лошадь мне седлать не положено, хорошо хоть кормить разрешают иногда. Ну и чистить тоже нельзя, но мальчишка не против. Он молчит про лошадь, я молчу про то, что он иногда вместо работы дрыхнет на сеновале, такое вот взаимополезное молчание.

Мальчишка быстро справился, он Мотылька тоже любит. Вон как ласково гладит. Меня, если вспомнить, так никто никогда не гладил. И я тут же тискаю Маришку, чтоб ей было о чем вспомнить.

И потом мы садимся в седло, она впереди, и несемся в сторону леса. Мотылек хорошо знает, куда мы собрались, сразу за воротами сворачивает налево и через дорогу — в поле. В этом году оно отдыхало, так что ровное, спокойное, сухая трава осела на остатки зеленой, а над полем и вокруг — синева. Не такая, как летом, конечно, но все равно — небо чистое, ветер вот только завывает угрожающе, тучи, значит, скоро пригонит. Пусть гонит, пока солнце мягко греет, даже глаз не обжигая, и можно нестись, дразня ветер хохотом, не замечая его шипящих угроз. Маришка крепко схватилась за поводья, пытается помочь. Хорошая у меня сестричка, тоже полукровка. Нас таких шестеро. Князь весьма щедр на любовь к женскому обществу. И законных у него четверо. Две дочери, два сына. Их я своими не считаю, они другие, не моя семья. И никогда не станут.

— А поехали к тракту? — вдруг кричит Маришка, подставляя солнцу бледную щечку.

К тракту? Как я сама не додумалась!

Разворачиваю Мотылька в нужную сторону, и снова мчимся по полю, в сторону замка. Там, дальше — большая дорога, тракт. Он тянется от Стольска и через княжеский замок дальше на юг. Князь может ехать домой только этой дорогой.

— Как думаешь, успеем? — Маришка тут же начинает

подпрыгивать, не знаю, как так у нее получается — на лошади и прыгать.

— Сиди тихонько, — щипаю ее несильно за бок, в ответ только смех.

Прямо впереди тракт делает петлю, огибая холмик, на вершине которого топорщится редкий лесок. Туда мы и направляемся. Осенью, когда листья опадают, он совсем прозрачный, даже зайцу негде спрятаться. Торчат серые стволы берез, да и только.

Маришка первая увидела, не успели мы даже к деревьям подняться.

— Едут! — вопит изо всех сил. Быстро ей рот закрываю, не хватает еще, чтобы нас услышали, с холма звук ой как хорошо разносится.

— Смотри какие... — говорит сквозь мои пальцы уже шепотом.

Впереди по тракту движется вереница всадников. Первыми княжеские воины, их броня светло-желтая, почти белая, сверкает на солнце металлическим глянцем. Потом княжеский экипаж, с фамильным гербом на боках. Там внутри князь... Если бы хоть на минуту поверила, что он будет рад меня видеть, обязательно бы помахала рукой. За экипажем скачут всадники. Много всадников, все в темной одежде, похоже, вообще без брони. Целая сотня. Это их, что ли, князь кормить собрался как самых дорогих гостей? Надеюсь, они ненадолго, а то сидеть нам на кухне без света белого и вкалывать без продыху. Звериный народ... На вид люди как люди, одеты только по-другому. Флага нет, повозок нет, хотя чему удивляться, наверняка у них своя манера путешествовать. Мы с братом в одной книжке читали, что у каждой расы свои обычаи и традиции, и они так сильно друг от друга отличаются, что и не каждый ученый разберется, чего уж говорить про таких, как я, неучей.

Неожиданно с поля приносится порыв ветра, набрасывается на нас, как на свежепойманную добычу, задувает под плащ, Маришка визжит и хохочет. Под плащом не особо спрячешься, особенно вдвоем, ветер кусает нас за бока и засыпает мелкими сухими листьями. И грозно гудит в ухо. Мотылек топчется на месте, отворачивая морду в сторону.

Фух! Наконец ветер отстает, полетел, похоже, искать себе

добычу покрупнее. Мы как на земле валялись: столько мусора, отряхиваешь его, стараешься, а он прилип накрепко и не отстает. Ладно, главное, тот, что покрупней, повибаскивать, особенно из волос, вон у Маришки целый букет на голове.

Когда я слышу посторонние звуки и оглядываюсь, всадники так близко, что убежать уже поздно. Поднялись с другой стороны тракта. Вообще-то можно и попробовать ускакать, вот только...

Всадников трое, это волки. Вот первая причина, по которой я остаюсь на месте, — хочется посмотреть поближе, с кем князь связался, подумать и понять, насколько это нехорошо. Двое из волков сидят верхом на лунных жеребцах. Вот вторая причина, по которой я терпеливо жду продолжения, тихо повторяя Маришке на ухо что-то успокаивающее. Очень хочется рассмотреть жеребцов получше, кроме Мотылька я видела лунных всего два раза.

Когда всадники подъезжают ближе, один из них, тот, что на обычном коне серой масти, останавливается за спинами двух других. Мы с Маришкой таращимся на них во все глаза, впрочем, и они на нас тоже. Все трое молодые и сильные, это сразу чувствуется, несмотря на расслабленные, почти ленивые позы. На вороном лунном жеребце сидит светлоглазый парень со светло-русыми волосами, он из них самый мускулистый, огромные руки небрежно держат поводья, ничуть их не натягивая.

Рядом с ним, на вороном в яблоках — темноволосый. Он поменьше и постройнее первого и смотрит более настороженно. Прическа у него смешная, отросшие волосы торчат во все стороны, а по бокам за ушами выбрито по широкой полосе.

Позади, за их спинами третий — тоже темноволосый, длинный, как палка, но не тощий — перевит мышцами, как и первые двое. Все одеты в необычную кожаную одежду разных оттенков коричневого. Причем одежды мало, ну, штаны, конечно, сапоги, вот почти и все. На двух безрукавки прямо на голое тело, на третьем что-то типа длинного кафтана с капюшоном и тоже без рукавов.

— Как им не холодно? — шепчет Маришка.

Я шикаю, нечего болтать.

— Добрый день... дамы, — вдруг говорит первый. Голос

такой мурлыкающий, как у кота, который вздумал говорить по-человечески.

Я приветственно киваю, как положено кивать чужакам, с которыми приличия не позволяют заговаривать.

— Что вы тут делаете? — резко спрашивает второй. У этого голос глубокий и почти рычащий. Звериный народ... Однако каких голосов еще от них ждать?

Так, теперь роли немножко изменились, судя по тону, они видят... Угрозу? Ладно я, а Маришка разве похожа на... воина? В любом случае сейчас можно и говорить.

— Катаемся. Мы тут живем... неподалеку, — беспечно общаю. А самой вдруг страшно становится от их лиц. Жесткие и хмурые, смотрят, как будто я и правда представляю какую-то опасность. Ну а лучший метод борьбы со страхом — про него начисто забыть. Это я еще в детстве опытным путем установила. — А вы... что тут делаете? — наивно интересуюсь.

Вороной первого вдруг резко идет в нашу сторону. Ого, а я думала, он его не держал! А оказывается, очень даже крепко держал, вон на секунду отвлекся, и тот сразу к нам ринулся.

Маришка вскрикнула.

— Стой! — вдруг громко сказала я, закрывая сестру обеими руками. — Ты ее пугаешь!

Светловолосый тут же остановился, разглядывая Маришку с каким-то неподдельным удивлением. Его жеребец недовольно и громко фыркал, втягивая воздух тонкими ноздрями.

— Пугаю? — уточнил первый.

Туповат, что ли? Нашим, деревенским, я бы уже без стеснения все высказала, но тут промолчала, они и меня пугали будь здоров.

— Извини, — вдруг сказал светловолосый, неожиданно ласково улыбаясь Мотыльку. — Он просто хотел подойти к твоей... кобыле. Она ему нравится.

— Мало ли кому она нравится, — огрызнулась я и поймала взгляд дальнего, слишком... изучающий.

Не знаю, чего бы решилась наговорить, защищая своих любимых, своих самых дорогих в жизни созданий — Маришку и Мотылька, но тут третий вдруг строго сказал:

— Пора!

Лунные жеребцы махнули хвостами, и вся тройка быстро ускакала к тракту в сторону замка.

Это была моя первая встреча со звериным народом. С волками. Теперь, когда они отъехали далеко, непонятно было, чем же они меня так напугали? Люди как люди, на лошадях ездят, разговаривают по-человечески. Не агрессивные... вроде.

Не успели мы во дворе слезть с лошади, как Маришка бросилась к дому и с порога закричала, что мы видели волков. Ох, что тут началось! Нас окружили, затащили на кухню и давай вопросами засыпать.

— Они на конях... такие, неодетые, — тараторила Маришка.

— Что? — насторожилась Глаша. — Неодетые?!

— Да нет же! — пришлось вмешиваться и объяснять. — Они одетые, просто так... не сильно.

— Что значит несильно? — раздался тонкий голос за спиной.

Воспитательница наша прибежала, Марфутишна. Она к нам, полукровкам, приставлена для надзору, в том числе блюсти девичью честь. Так как я единственная взрослая девушка, Маришка еще слишком мала, то изо всех сил блюдут именно меня. Ну и каково ей было услышать про неодетых волков? Зачем же портить такое представление и сразу разубеждать? Нечасто я вижу у нее такие глаза испуганные. Сколько она мне крови выпила ни за что, никак не могу упустить шанс немножко отомстить! Только когда Глаша схватила меня за руку и дернула преобольно, я соизволила наконец объяснить:

— Да они одетые, только не по сезону. Наши так летом одеваются — штаны и безрукавка. Вот Маришке и интересно стало, почему они не мерзнут.

— Все равно! — кричит Марфутишна. — Ты зачем с ними встречалась?

— Они сами подъехали, не убежать же!

— Надо было извиниться и уехать. Ты же приличная девушка!

— Я так и сделала!

— Но не сразу! — напирала воспитательница.

— Как только, так сразу!

— Вечером ты наказана, — прошипела Марфутишна. — Будешь ткать, пока не упадешь.

Согласно киваю. Если спорить, только хуже будет. Ма-

ришка смотрит, как будто извиняется. Маленькая моя, думаешь, рассержусь из-за такой ерунды? Шепчу ей на ушко:

— Неужели веришь, что я бы не проболталась?

Приятно, когда у тебя кто-то есть. Не родители, так сестренка, такая доверчивая и добрая.

— Я приду тебе вечером помочь, — шепчет мне в ответ.

Не тут-то было!

— Я лично прослежу, как ты будешь работать! — строго говорит воспитательница. — И еще напомню нашей непослушной девице о том, что случается с теми, кто забывает о самом главном! А то смотрите-ка, осмелела! С чужаками полуголыми беседует!

Ну вот, чужаки вдруг стали полуголыми, так, глядишь, к вечеру я узнаю, что они вообще были... без ничего. Еще и наставления теперь будет читать полночи. А как хорошо день начинался!

После ужина спускаюсь в мастерскую. Ткацкая машина занимает полкомнаты, остальную половину — сваленные в углу кучи некрашенных ниток. Тканье — одно из тех самых занятий, которые нагоняют на меня безграничную тоску и лишают силы воли. Достаточно полчаса погонять челнок сквозь нити, и уже кажется, что спина горит, а руки отваливаются. И вместо тишины слышишь нудящий голос Марфутишны, рассказывающий ту самую историю, которая мне уже в кошмарах снится.

Историю о моей подруге Стаське, сироте, одного со мной возраста, которая жила с нами, пока за несколько дней до совершеннолетия не сбежала с солдатом из княжеского войска. Он бросил Стаську через неделю и спокойно вернулся на службу. А она теперь живет в доме на той стороне озера. В уютном доме с красными ставнями и очень удобными большими кроватями. Живет там и работает.

Я ненавижу Марфутишну за эту историю. Понятно, конечно, что она обо мне заботится, как может. И думает, если все время талдычить о чести, то эти слова отложатся в моей голове непререкаемой истиной. Представить даже не может, что ее слова — лишнее. Я и сама все знаю. Однажды летом ездила к озеру, на свое обычное место, где люблю купаться. Девушки из дома развлечений никогда так далеко не заходят, а Стаська зашла. Знала, где я бываю, прямо туда и зая-

вилась. Полуодетая, ярко покрашенная и со странной пышной прической. Ничего не говорила, просто стояла за деревьями и на меня смотрела. Я как раз из воды вылезла, так и замерла на берегу, хотя день был не очень теплый и тело тут же покрылось мерзкими мурашками. А потом Стаська легко улыбнулась и тихо отступила в лес.

Эти несколько минут сделали то, чего не сделали годы Марфутишного воспитания. Рассказали правду о жизни.

Волки

Наконец-то они добрались до замка и смогли просто отдохнуть. Тройка пожелала жить в смежных комнатах, и чтобы ужин им подали прямо туда. Все церемонии оставили на следующий день, да и не нужны они были никому — ни им, ни князю.

За ужином они опять припоминали все свидетельства их странной удачи и удивлялись ее неожиданному постоянству.

Получив сообщение, что дивы смогли зарядить один из своих летающих кораблей энергией, достаточной для преодоления полосы Старого леса, пролегающего по границе между лесными и звериными землями, волки были вынуждены быстро изменить все свои планы и увести с северных рубежей почти всю охрану — сотню воинов. Надеялись, что пустая граница подтолкнет дивов на пробный полет и докажет правдивость этого не очень приятного слуха или его несостоятельность — второе было бы куда лучше.

Потом им повезло со временем. Вожаку удалось провести всю сотню быстро и без единой потери по пространственной петле, выведя сразу к границе немного дальше Стольска.

Мало того, удача их снова не оставила, они нос к носу столкнулись в пограничном пункте с князем Невзором. При чем они поймали князя за попыткой подговорить представителей горных пользоваться впредь другим пунктом, находящимся полностью во владениях князя, и сумма налога на провоз товара обещала быть существенно меньше существующей.

Глупо было не воспользоваться таким поводом — воинов нужно было увести подальше, чтобы они не маячали на людской территории близ Стольска, где их легко заметить, и замок князя оказался как нельзя кстати. Отказать он, естественно, не мог. Донос, что он действовал в обход интересов

великого князя, может, и не повлечет серьезного наказания, но обеспечит долгосрочное пристальное наблюдение, и тогда торговые сделки, которыми Невзор сейчас промышляет, будут недоступны.

Впервые за две недели тройка смогла спокойно поесть и поспать в нормальных условиях.

Глава 2 МОЙ ОТЕЦ

Утром в дверь забарабанили так рано, что я даже посмела возмутиться. На улице была темень, ни зги не видно. Еще даже рассвет не наступил, чего опять от меня в такую рань хотят?

— Открывай быстро! — кричала Марфутишна.

Еще и воспитательница лично явилась! Ну точно спать не дадут! Быстро понеслась открывать, хотя руки еле шевелились после вчерашнего тканья. Пальцы с трудом сгибались.

Как только я подняла защелку, дверь распахнулась. В комнату залетела Марфутишна, за ней служанка из замка, потом двое мальчишек, которые волокли сундук и хорошо запакованные бумажные свертки.

Марфутишна указала, куда все это поставить, и тут же заторопила:

— Воды быстро тащите!

Не успела я даже толком проснуться и сообразить, что происходит, как меня стали купать, мыть мне волосы, а потом стричь, делать укладку, красить, затягивать в корсет, одевать в вынутое из сундука платье, а потом еще и драгоценности нацепили.

Что случилось? Вчерашнее утро было не самым обычным, но а сегодняшнее вообще из тех, когда кажется, что все еще спишь. Когда мне наконец пододвинули зеркало, разрешая посмотреть на результат, я себя не узнала. Какая-то не настоящая, словно красками нарисованная девушка: светлое блестящее платье с низким декольте, неестественно тонкая талия, много прозрачных кружев, где только возможно, тщательно уложенные тугие кудри, неожиданно темнее, чем мой, цвет волос. Только глаза знакомые, серые, да улыбка чем-то похожа. Остальное — кукольное, не я.

— Шевелись! — дернула за рукав Марфутишна. — За мной!

И я быстро последовала за ней, хотя крепко стянутый корсет почти не давал дышать. Позади шла служанка, неся в руке сумку с моими обычными вещами, видимо, в замке мне нужно будет снова переодеться?

На улице ждал княжеский крытый экипаж. За мной прислали экипаж? Марфутишна чуть ли не силой затолкала меня внутрь, быстро уселась рядом и тут же приказала вознице трогать.

— Что случилось-то? — в конце концов спрашиваю. Чего ради из меня сделали эту игрушку и долго ли мне мучиться в этом корсете?

— Князь велел привести тебя в приличный вид и доставить в замок как можно быстрее! Рассчитывает, что ты ему поможешь. Ждет в замке, приедем — сам все объяснит.

— А ты не знаешь?

— Знаю только, это как-то с волками связано, — ответила воспитательница.

Да, зря я спросила. Приходится подавить внезапное желание выскочить из экипажа и убежать в поле. Чего хорошего можно ждать от волков? А от моего отца? Ничего.

Через полчаса колеса экипажа застучали по брусчатке перед входом в замок. Здесь было очень тихо, сотню, наверное, в казармах разместили, длинные такие здания за замком, там я ни разу не была. Ну, или спят, гостей вряд ли станут рано будить.

У входа меня встретил давний личный слуга князя Кузьма. Я его хорошо знала, сколько себя помню, он все такой же был, седой и полусогнутый. Кузьма без разговоров повел меня прямо в небольшую комнату, расположенную за приемным залом. Там князь встречался с гостями, с которыми хотел пообщаться без свидетелей. Он уже сидел за столом, растрепанный и мятый, видимо, не спал совсем или спал очень недолго. Когда я вошла, уши заполнило прерывистое большое дыхание.

«Отец!» — хотелось крикнуть, но я опустила голову и приветствовала его низким поклоном, как князя. Он тут же махнул рукой на кресло рядом с собой:

— Иди, сядь.

Я не привыкла к таким пышным платьям, и понадобилось немало времени, чтобы понять, как в нем лучше сидеть.

И еще эти туфли! Они, конечно, красивые, но в них так холодно! Ну ладно, это все мелочи, пусть скажет, чего же от меня нужно. Вот я сижу и готова слушать.

— Ты знаешь, что со мной в замок приехали представители синих волков? — спросил князь. Об этом уже каждая собака знает, киваю. — Мы заключили мирный договор...

Ага, замялся. Думает, что сказать. Видно, что-то с этим договором не так. Иначе откуда на его лице такое непривычное для него замешательство? И это у человека, которого ничем не смутишь, по крайней мере, я такого выражения раньше не видела.

— Так вот, — продолжил князь, — в знак подтверждения наших намерений волки потребовали себе заложника. Ну, ты знаешь...

— Заложник живет у второй стороны, и, если первая нарушает договор, его убивают... — прошептала я.

— Они... потребовали моего ребенка, — хмуро произнес князь. — Дочь. Захотели поговорить с каждой и выбрать. Уже говорили со старшей, сейчас там младшая. Потом пойдешь ты.

Я произвольно сглотнула.

— Их... княжич... Попробуй, в общем, им понравиться. Дочерей я научил, как мог, одел плохонько, а ты... Они должны выбрать тебя, своих дочерей я не отдам!

Я быстро закусила губу. Вот так вот, своих дочерей! А я ему, значит, совсем не дочь. Сердце разрывается, хотя я всегда это знала. Не дочь. Просто полукровка, жизни которой не жалко. Я сдерживаю слезы и кратко киваю:

— Хорошо, мой князь.

— Иди, — кивком отпускает. — Сделай, что должна.

Слуга оставил меня на кушетке перед высокой дубовой дверью. Ранее утро. Вокруг ни души. Тишина. И такой жуткий холод, и главное, ничем не согреться, даже ноги спрятать некуда.

Когда дверь распахнулась и вышла младшая княжна с довольной улыбкой, в удивительно скромном платье и не очень хорошо причесанная, у меня от холода уже зубы стучали.

Я вскочила, как положено при виде княжны. Она коротко кивнула и ушла по коридору. Только тогда я увидела, что

у дверей кто-то стоит. Тот самый, растрепанный, со странными полосами на голове парень, один из тройки, встреченной вчера на прогулке. Так вот, значит, кто это были. Волчий княжич собственной персоной, никогда бы не подумала. Княжичи ездят в экипажах и одеваются изящно и богато. Хотя... звериный народ, что с них взять.

Надо же, как он удивился, когда меня увидел! В другое время я бы посмеялась, но не сейчас. Ноги обжигало холодом промерзших камней. А он стоит и молча смотрит.

— Вы меня не ждали? — спрашиваю. Еще чуть-чуть и поджимать ноги начну, то-то будет зрелище!

Но тут он отвечает:

— Мы вас ждем, заходите.

Странно, сейчас я думаю только о холодном поле, а не о том, как мне им понравится. Как угодить отцу, князю, мужчине, который стал когда-то против воли моим родителем.

В большой, полутемной комнате только один камин, правда, огромный, но огонь в нем почти погас. Каменные стены украшены гобеленами и длинными полосами ткани, а пол зато совсем голый. Слишком красивая каменная мозаика, чтобы прикрывать ее коврами. У камина стоял огромный стол, перед ним кресло с коричневой обивкой. За столом сидел самый высокий. Позади него, у стены, на длинной кушетке — светловолосый, закинув ногу на ногу. Тот, что меня впустил, прошел и сел рядом с ним.

Неужели совсем не мерзнут? Не похоже. Главное — не задрожать, как-то это не вяжется с моим намерением им понравиться. Кстати, знать бы еще, как это сделать.

Вот опять устали и молчат. Что, интересно, со мной не так? Я поклонилась и осталась стоять посреди комнаты. Без приглашения не могла сесть.

Если у меня когда-нибудь будет дом, в нем не будет ни одного кусочка каменного пола!

Наконец длинный встал из-за стола. Не очень-то торопился!

— Здравствуйте, — сказал. — Разрешите представиться. Я Ждан Радомиров, вожак. По-вашему — княжич народа зверей. Присаживайтесь, прошу.

Ну наконец догадался! Я поблагодарила и быстро усесться в кресло, хотелось залезть с ногами, но пришлось дер-

жать марку — сесть на самый краешек, выпрямить спину и гордо задрать подбородок.

Длинный неуверенно посмотрел на меня.

— Как... вас зовут? — спросил.

Тут же вскочила, делая реверанс. Чертов корсет, за что женщинам такая пытка?

— Дарена.

И села быстро назад. Вот вернусь домой, час буду у печи сидеть ногами в огонь!

— Дарена, — повторил Ждан так, будто мое имя его немало удивило.

Вожак, надо же. Если бы не ситуация, не удержалась бы от вопросов. Вожак — это как? А, чего зря голову ломать, сейчас нужно сосредоточиться на другом. Вожак так вожак. Я смотрю ему прямо в глаза и улыбаюсь как можно милее.

— Очень приятно, — говорю самым нежным тоном и отвожу глазки, как будто смутилась.

Не раз видела, как на ярмарках так девчонки делают, и мужчинам это нравится. Только вот эти... волки реагируют как-то не так. Медленно переглядываются и хмурятся.

— Позвольте представить, — наконец продолжает Ждан. — Мои товарищи и защитники. Дынко... — Встает светловолосый, коротко кивает и садится назад, закидывая ногу на ногу. — Радим. — Встает лохматый, серьезно кивает.

Я не знаю, имеют ли они влияние на княжича, слушает ли он их советы, поэтому на всякий случай мило улыбаюсь обоим.

И потом они опять молчат! Нет, мерзнуть тут целый день охоты у меня нету!

— Вы хотели со мной поговорить? — нетерпеливо спрашиваю.

— Да... Да. Вы нас просто немного удивили, придя сегодня в таком неожиданном виде, — задумчиво говорит Ждан.

— Вам не нравится, как я выгляжу? — интересуюсь таким тоном, как будто если он скажет нет, я буду плакать.

— А... вас волнует, нравитесь вы нам или нет? — вдруг громко спрашивает Дынко. Голос у него такой... вкрадчивый.

Задерживаю дыхание, успокаиваясь. Похоже, они не так просты, как я думала после нашей первой встречи. И, наверное, слишком избалованы женскими улыбками. Надо действовать аккуратнее.

— Какой же девушке не хочется нравиться, — говорю смиренно. — Я ведь не знаю, как одеваются женщины вашей страны. Может, по сравнению с их нарядами мое платье выглядит смешным и неуклюжим, — кокетничаю я.

— Нет. Совсем нет, — начинает оправдываться Ждан.

Неужели хоть какой-то эффект? Рано радуюсь!

— Нам нравится, когда девицы без одежды, — вдруг резко говорит лохматый, тот, который Радим.

Я невольно хватаюсь руками за края кресла, но улыбку на лице удается сохранить, в этом мне слишком часто приходилось практиковаться. До каких границ я готова пойти, чтобы выполнить приказание князя? Готова ли я... на все? Корсет врезается в ребра, в голове гудит от нехватки воздуха.

— Ну что же, Дарена, — слышу голос Ждана. — Ответьте на несколько моих вопросов.

— Конечно.

— Вы знаете что-нибудь о звериной расе?

— Нет.

— Вам не преподавали историю?

— Нет.

— Почему? — с неподдельным удивлением спрашивает Ждан.

Почему, почему. Кого колышет образование полукровок? Уж точно не нашего князя. Придется прикидываться валенком, это легко — главное, мило улыбаться и смотреть понаивнее, как не очень умные люди.

— Не знаю.

— Ладно. Вам преподавали языки?

— Нет.

— Искусство?

— Нет.

— Магию?

— Нет.

— Почему?

— У меня очень невысокий уровень силы, меня бессмысленно учить.

— Кто сказал?

— Княжеский колдун.

— Княжеский колдун... — задумчиво повторяет Ждан.

Вообще мы с Санькой, когда доступ к библиотеке имели,

много чего интересного из книг узнали, но ведь он спрашивал о серьезных систематических занятиях? О звериной расе я и правда ничего не знаю. Ну, кроме того, что известно всем: они умеют перекидываться в животных. Так что нигде не соврала — князь не занимался обучением полукровок. А другой... секрет вообще никого не касается.

— Не понимаю, — говорит Ждан чуть позже. — Вам ничего не преподавали — ни историю, ни языки. Как это может быть? Что...

Его прерывает взрыв громкого хохота. Лохматый вскакивает со своего места и быстро идет к нам.

— Ждан, можно я? — спрашивает и получает разрешающий кивок.

Радим подходит и наклоняется надо мной, нависает сверху, как скала, готовая упасть и раздавить.

— Ее ничему не учили — ни музыке, ни танцам. Она катается на лошади в мужском седле и без корсета. А теперь ее одели в шикарное платье и заставили во всем нам потакать. И она потакает, хотя ей очень страшно и еще что-то не так. Может, голодная? Ну, в общем, я знаю почему. Потому что она — полукровка... — заканчивает он с довольным видом, и эти слова, произнесенные его глухим голосом, вдруг делают мне очень больно. Я упрямо застываю в кресле, задирая голову выше.

— Как мы и думали, — лениво говорит Дынко. — Хочет нас надуть. Хоть бы раз ошибиться...

Как же мне было тяжело в этот момент! Не получилось сделать то, чего от меня хотел князь. Хотя сам виноват, что я могла? Надо было относиться ко мне как к дочери, учить музыке и танцам, глядишь, и смогла бы понравиться.

Но зато можно больше не строить из себя благородную даму. Не нужно мило улыбаться и сидеть, как попугай на насесте. Я падаю глубоко в кресло, откидываюсь на спинку и прячу ноги под свою широкую юбку.

— Я не голодная, мне просто холодно, — равнодушно отвечаю на вопросительный взгляд Радима.

Вообще-то мне тут больше нечего делать, но надо, чтобы вожак разрешил уйти. Жду, но он пока молчит, поджимает губы и качает головой. Осуждает? Что мне его осуждение? Я не выполнила волю князя, вот что страшно.

— Как так можно... с собственной дочерью, — вдруг слы-

шу мрачный голос Радима прямо над ухом. — Отменный мерзавец этот ваш князь.

— Это мой отец, — чеканю, зло смотря в его глаза.

С детства училась искусству двойных фраз. Когда прокручиваешь в голове одно, а говоришь другое. Ему я сказала: «Еще слово про моего отца, и я тебе глаза выцарапаю». И он понял, отошел и вернулся к кушетке.

— Можете идти, — кивает Ждан.

Я хотела встать, но вдруг меня как черт дернул! Раз все равно провалила задание, можно подумать о себе и сделать что-нибудь гадкое другим. Я же полукровка, значит, никого не удивит мое неправильное поведение.

— Нет! — резко говорю. — У меня тоже есть вопрос.

И наслаждаюсь их лицами. Что, получили, в-о-л-к-и?

— С чего ты решила, что мы ответим? — интересуется Ждан.

— А я все равно спрошу, — пожимаю плечами. — Так вот. Вы задавали такие вопросы, наверное, очень важные, очень нужные. И мне так вдруг интересно стало, для чего же заложнице быть столь образованной? Или что, — повышаю я голос, — неужели если она будет красиво петь и на пяти языках болтать, то у вас ее в случае измены рука не поднимется убить?

Ох, какие лица! Искренне наслаждаюсь. Что, съели? Теперь я собой довольна, можно и уходить. Я сделала, что смогла, дальше пусть мой папочка князь сам разбирается со своими соседями. Почему это должно меня заботить? Я же ему... не дочь.

Какой все-таки холодный пол, стоило подняться, как ноги тут же занемели. Ничего, скоро выйду в коридор, а там можно и пробежаться. Точнее, попробовать, в корсете особо не разгонишься.

Дверь открыть я не успела. Передо мной появилась рука Радима, она уперлась в гладкое дерево прямо перед моим лицом.

— Обиделась? — заговорил он за спиной. — Полукровка — это понятие вашей страны, у нас такого нет. У нас все дети законнорожденные, все равные. Просто нас предупредили, что для князя полукровки не представляют... ценности. Сказали, что он наверняка захочет нас обмануть. Так что обижайся не на нас... на ваши обычаи.

Какое странное желание... оглянуться и на него посмотреть. Рука медленно опустилась ниже, к ручке, и распахнула передо мной дверь.

Корсет почему-то не помешал мне долететь до кабинета князя всего секунд за десять. Он меня ждал и, стоило мне войти, тут же понял, что ничего не получилось.

— Ты... — поджал губы.

— Сделала, что могла. Они догадались, когда узнали, что меня не учили ничему, кроме домашних дел.

Как же хочется домой, в свою комнату. Или на кухню к Глаше, поближе к горячему печному боку, в пряные душистые запахи готовящейся еды.

— Сядь. — Князь не глядя махнул в сторону кресла и обернулся к столу, странными мелкими движениями прикасаясь к лежащей на нем вещице. Как будто решался.

Его губы шевелились, но я ничего не слышала. Наконец предмет оказался в его руке и поплыл ко мне медленно, как птичье перышко на ветру. Какая красивая вещица, круглая золотая коробочка, кружевная с гладким верхом, на трех изогнутых ножках в форме когтистых звериных лапок.

— Бери. Отнесешь сейчас волкам. Попросишь от моего имени прощения и передашь этот подарок в знак моего глубочайшего раскаяния. Сделаешь все, что скажут. Поняла? Я жду полного послушания, и только посмей ослушаться! Иди!

Шкатулка упала в мою ладонь, инстинктивно заставив пальцы крепко сжаться.

Опять идти к волкам? Еще и прощения за него просить? А еще таким тоном приказал, будто это я виновата в его неудавшемся обмане, а он тут ни при чем. Этакая случайная жертва. Ладно, выбора у меня и правда нет, извинюсь, не в первый раз. Извиняться за свою не такую уж длинную жизнь мне приходилось столько раз, что я легко смогу это сделать, даже ничего внутри не дрогнет. Хорошо, пусть все закончится побыстрее.

Кузьма встретил меня за дверью и повел назад, но оказалось, что в комнате волков уже нет, и я последовала за ним в левое крыло замка, где селили гостей. Члены княжеской семьи занимали правую половину, и ходили слухи, что в окна, расположенные напротив друг друга, можно увидеть множе-

ство интересных вещей, и княжеские советники часто подглядывают за гостями. Неужели правда?

Кузьма шел медленно и тяжело вздыхал. Что-то мне это нравится все меньше и меньше. Идти одной в комнату к мужчинам? Но ведь князь приказал, и послушаться никак нельзя. Наверное, он просто не знал, что они уже поднялись к себе.

Остановившись у одной из дверей, Кузьма нерешительно оглянулся. Чего так странно смотреть? Это просто приказ князя.

— Спасибо, дальше я сама, идите.

Все-таки таким пожилым людям нужно больше отдыхать и меньше таскаться туда-сюда по холодным замковым коридорам, да еще в таком тесном камзоле. В нем, наверное, и не вздохнешь как следует.

Я постучала, уже представляя, как дверь откроет Радим, но ее открыл Дынко, высунув в щель только голову.

— Дарена? — удивился. — Чего тебе?

Низкий реверанс. Как же мне надоел этот корсет!

— Его светлость прислал меня с извинениями.

На круглом лице секундное раздумывание.

— Ладно, заходи.

Дверь открылась. Та-ак, зря я так резко вошла, будет урок на будущее, сначала стоит заглядывать. Волки в одних штанах, с голыми торсами и даже босиком. Та-а-ак, комнаты... смежные, похоже, они вместе живут. А у них тепло, в камине полыхает целая огненная буря. На полах пушистые темные ковры, стены обтянуты синей тканью. Мебель не похожа на изысканные княжеские гарнитуры, ничего изогнутого, никаких рельефных аппликаций. Вроде достаточно времени прошло, чтоб оделась.

Хм, ну хоть вожак рубашку натянул, на остальных можно и не смотреть. По крайней мере, постараться не смотреть, они очень красивы, особенно когда по голой груди скользит огненный зайчик из камина. Хотя, может, это не от камина, а от моего лица, я редко так сильно краснею.

Стоп, что я делаю вообще? Нужно переходить к заданию. Ждан настороженно меня разглядывает, будто ждет неприятностей:

— Я вас слушаю.

Реверанс. Хорошо бы за сегодня последний.

— Его светлость приносит свое искренние извинения по поводу случившегося и просит вас принять в знак прощения этот маленький подарок.

Показываю шкатулку и делаю шаг, чтобы отдать. Тут же мою руку перехватывает Радим. Зря, там нет ничего опасного, она же маленькая и легкая, чего он испугался? Что я запущу ее Ждану в голову с такой силой, что покалечу? Легко щелкнув пальцем, Радим открывает крышку и, резко вздохнув, тут же передает ее Ждану, не отводя от содержимого глаз. Теперь они прилипли к ней вдвоем, Дынко, заинтересовавшись, тоже подходит, заглядывает Ждану через плечо и изумлено присвистывает.

Что там такого любопытного? Раньше, чем успеваю сообщить, ноги уже делают пару шагов, и я, вытянув шею, заглядываю в шкатулку сбоку.

И что это? Розовая тонкая атласная ленточка, а на ней плоская костяная пластинка, круглая, покрашена розовым, посередине — рисунок белого кружевного бантика. Какой странный подарок, зачем волкам розовая ленточка, похожая на те бархотки, которые носят иногда на шее?

— Что это?

Ой, когда на тебя в упор смотрят три пары блестящих глаз, это не очень приятно. Быстро отскакивая назад, наступив на собственное платье, и чуть из-за этого не сваливаюсь на пол. Наверное, нельзя было подходить так близко к вожаку, только бы не нарушить какое-нибудь их правило. Доказывай потом, что случайно.

— Ты не знаешь, что это? — совершенно спокойно спрашивает Радим.

Фух, похоже, ничего страшного не случилось, и они не восприняли мое приближение как оскорбление или что-нибудь подобное.

— Нет.

И тут на его лице появляется такая ярость, что просто дыхание замирает. Что я сделала не так? Неужели князь и подарок прислал неудачный, но ведь он прощения просит! Могли бы и навстречу пойти!

— И что князь тебе сказал? — интересуется Дынко.

— Сказал извиниться и отдать подарок. Сказал делать, что прикажете.

Вдруг мои ладони становятся такими мокрыми, что я хватаюсь за юбку, пытаюсь подавить неожиданные подозрения. Не мог князь иметь в виду ничего неприличного, никак не мог. Я же пусть немного, но его кровь. Нет, это я просто испугалась злости, явно читающейся на их лицах, и оттого всякая гадость в голову лезет.

— И что... что вы мне прикажете? — Голос совсем на мой не похож, в голове пусто, я даже про корсет забыла впервые с тех пор, как его на меня натянули.

— Ничего. — Ждан хлопком закрывает крышку и отдает шкатулку Радиму, а тот тут же сжимает ее в руке. Возвращать, видимо, не собирается. — Скажи князю, мы подумаем и сообщим ему, как и в каком виде он принесет нам свои извинения. Иди.

Упрашивать дважды меня не нужно. В коридоре все еще ждет Кузьма. Вдруг так приятно видеть его светлые, замутненные годами глаза. Он как будто вздыхает спокойней и ведет меня в правое крыло к князю.

Что-то тут явно не так! Князь удивился, меня увидев, а потом даже разозлился. А уж когда я передала слова жоака, так просто рассвирепел.

— Никакого от тебя толку! Иди, и чтобы ни слова никому про подарок! — резко махнул он рукой.

И я ушла, не было желания задерживаться, хотя обычно старалась хоть ненадолго, на минутку, но остаться рядом, чтобы чуть-чуть побыть рядом, помечтать о том, что у меня есть любящий отец. А сегодня, наоборот, вылетела из кабинета с большим удовольствием. И даже фразу повиновения на прощание не произнесла.

Слуга отвел меня в комнату у кухни, где ждала Марфутишна с вещами. С каким удовольствием я сняла это жуткое платье, стащила его, как будто оно грязное! А уж корсет сдирала, как освобожденный каторжник кандалы. Что может быть лучше моей обычной одежды, свободной и удобной?

— Нас отвезут позже, когда экипаж освободится. — Марфутишна уселась на кровать, достав из корзины захваченное с собой вышивание. Запасливая!

— Пешком пойду.

Буду я ждать тут несколько часов, пока кто-нибудь сжалится и домой отправит! Идти-то всего пару верст.

День неплохой, дорога сухая, солнышко уже не греет почти, но идти среди полей всегда теплее, чем сидеть в каменных стенах. Кстати, а если пробежаться? Ребячество, как говорила Марфутишна: «В твоём возрасте не пристало носиться, как мальчишке, пора уже стать серьезнее и следить за своим поведением». Звучало, как будто бы моя жизнь уже закончилась, и осталось только сидеть у окна неподвижно, ожидая неминуемого пришествия смерти.

Но сегодня я побегала в свое удовольствие! Заслужила. И как же мне было тяжело! Как было стыдно за князя... За то, что он такой обманщик. За себя, что я пусть и не по своей воле, но врала. За странный подарок, с которым явно что-то не так. Вот только стоит ли разбираться что? За наши... обычаи. За все.

Только я во двор вошла, как наружу высыпали мои домоладцы во главе с изнывающей от любопытства Глашей. Наперебой закричали, запричитали, заохали.

Как я их все-таки всех любила! Мою Маришку, которую невозможно не расцеловать в обе щечки. И братьев моих непутевых, кстати, их уже пора ловить и купать, чумадые, как будто в луже валялись. Может, и на самом деле валялись, вполне могу себе представить эту милую картину. И необъемную Глашу, которая иногда, будучи в хорошем настроении, пекла нам булочки и пирожки с вишней. И вздыхала тяжело, смотря, как мы все это поедаем, как будто впроголодь живем. Знала потому что, не на сладости набрасываемся, а на ласку да заботу.

И меня сразу отправили спать, предупредив, что потом придется в подробностях рассказывать, какие ужасы я видела в замке и как мне удалось вырваться оттуда живой и даже не покусанной.

Ха-ха, пусть мечтают, у меня уже есть отговорка. Скажу, что князь запретил болтать, и нарушить его приказ, естественно, никак нельзя.

Волки

На улице уже темнело, а они все еще повторяли план возвращения. Ждан столько раз просчитывал варианты удачно провести сотню по пространственной петле назад, что уже с трудом складывал даже простые числа.

— А если петля закрутится вокруг, вам придется просчитывать все заново прямо посреди перехода, ты помнишь? — замученно переспросил он у Улема.

Тот только поморщился.

— Забудь, сейчас бесполезно голову себе забивать, даже знай ты все точки. О чем можно говорить, не учитывая погоду и передвижение зурпов?

— Да знаю я...

В комнате, выделенной для них в казармах, было по-военному пусто — большой массивный стол, много стульев, стенд с оружием и яркая подробная карта человеческих земель на стене.

Как раз ее и рассматривал Радим, задумчиво отмечая деревни на границе со звериной землей. Всего четыре, и три из них на землях Нестора. Какая жалость, он бы предпочел не иметь с ним ни единой пяди общей пограничной земли. Впрочем, как и с дивами.

— Давайте еще раз, — тяжело вздохнул Дынко. — Улем.

— Повторяю: веду сотню до стольского тракта через Старый лес, не трогая петель. Там отправляю в посольство птицу, никакой магии, чтобы не засекли. Жду Гордогора с новостями и припасами, и тут же уходим на северную границу по лесу и тогда уже по петле. Не волнуйтесь, я рассчитаю. У меня девять медведей в отряде, пушу их первыми. Все.

— Девять маловато, надо больше вводить, вернешься потом в замок, наберешь еще десяток.

— По мне, так и девяти предостаточно, но как скажете, — равнодушно ответил Улем и уставился в окно. Гонять по кругу одно и то же десятки раз уже надоело. Тройка явно была сегодня на взводе.

— Тогда все. — Радим оторвался наконец от карты. — У нас еще два дня, если что забыли, есть время вспомнить.

— Значит, я на ужин. — Улем впервые улыбнулся, правда еле-еле. — Нас тут закармливают, как на убой. Каждая трапеза — сплошной пир, если через два дня не уедем, отъедемся так, что и кони не унесут. Князь-то расщедрился на полную, обхаживает, как самых любимых родственников.

— Да уж, расщедрился... — пробормотал Радим. — Что там еда, дочь собственную не пожалел от щедрот своих.

— В смысле?